

Алтай в сердце моем

«Путник-друг, пойдём вместе. Ночь близка, звери кругом. И огонь костра может потухнуть. Но если мы согласимся разделить дозор ночи, мы сохраним силы.

Завтра наш путь долог, и мы можем истомиться. Пойдём вместе. У нас будет праздник и радость. Спою тебе песню твоей матери, и жены, и сестры. Ты же скажешь предание отца о герое и подвиге; будет наш путь общим.

Не наступи на скорпиона и предупреди меня о ехидне. Путник-друг, помни, что мы должны прийти в одно селение горное.

Путник, будь мне другом».

Учение Живой Этики. Община

Экспедицию 2010-го года мы готовили вместе с Юрой Мирошниковым, моим учителем по горному туризму. Он мечтал подняться на Белуху и этим завершить свою карьеру восходителя. Я мечтала сделать «круг почета» вокруг Белухи. В этой экспедиции мы хотели соединить вместе две своих мечты. Еще был широкий круг друзей и знакомых, которые хотели присоединиться к нам. Поскольку зима выдалась суровой и снежной, мы выбрали для похода август месяц, чтобы снежный покров был минимальным. Холодные ночи при хорошей экипировке - не помеха.

За две недели до назначенной даты случилось непредвиденное. Мой друг и многолетний напарник по горам – Юра – попал в больницу с обширным инфарктом. Пришлось на ходу перестраивать маршруты. Казалось, что все обстоятельства и события против нашей затеи: сломался дверной замок, когда два микроавтобуса уже отправились в путь; встреченные в Кемерове друзья, возвращавшиеся с Алтая, сказали о сложных погодных условиях и очень холодных ночах; на таможне возникли очередные проблемы, проводники запросили за коней немислимую сумму... Нитку маршрута опять пришлось на ходу переделывать. Люди начинали переходить из одной группы в другую, по-новому оценивая свои возможности. Раз за разом перекладывались продукты, перетряхивались рюкзаки, пересматривалось снаряжение. Один, другой, многие говорили: «Идут трудные знаки». И как будто тихий шорох за их спинами: «Откажись, откажись, откажись...» Но...

*Мы идем искать священные
знаки. Идем осмотрительно и
молчаливо. Люди идут, смеются,
зовут за собою. Другие спешат
в недовольстве. Иные нам
угрожают. Хотят отнять*

*то, что имеем. Не знают
прохожие, что мы вышли
искать священные знаки. Но
угрожающие пройдут. У них
так много дела. А мы
будем искать священные
знаки. Никто не знает, где
оставил хозяин знаки свои.
Вернее всего, они – на столбах
у дороги. Или в цветах.
Или в волнах реки.
Думаем, что их можно
искать на облачных сводах.
При свете солнца, при свете
луны. При свете смолы
и костра, будем искать
священные знаки. Мы долго
идем, пристально смотрим.
Многие люди мимо прошли.
Право, кажется нам, они
знают приказ: найти
священные знаки. Становится
темно. Трудно путь
усмотреть. Непонятны места.
Где могут они быть –
священные знаки? Сегодня
мы их, пожалуй, уже не
найдем. Но завтра будет
светло. Я знаю – мы их
увидим¹.*

Мультигинские озера

На озера заезжаем алтайским вездеходом ГАЗ-66. Натужно ревет мотор, когда машина взбирается в гору. На крутых участках идем пешком. Среди пихтового леса – гордость алтайского экстрима – непролазная грязь. Одна из трех машин прочно застревает в колее. Мы становимся свидетелями того, как человек сам себе создает проблемы в виде разбитой дороги, а потом героически преодолевает создавшиеся трудности. Складывается впечатление, что водители сами довели дорогу до такого ужасного состояния, чтобы стать монополистами по перевозке людей – другой транспорт здесь не пройдет.

Время ожидания пролетает быстро – заросли жимолости двухметрового роста поглощают людей. Алтай в августе очень щедр на ягоды и грибы, в чем мы неоднократно убеждаемся в дальнейшем.

Мультиинские озера встречают нас пасмурной погодой. Едва успеваем поставить палатки, как забарабанил дождь. Наскоро перекусив, все настраиваемся на сон грядущий в ожидании солнечного чуда.

С чем сравнить Мультиинские озера? Без преувеличения можно сказать – они несравненны! Очень отличны от других высокогорных озер Алтая. Таких обработанных водой прибрежных камешков, складывающих двухметровую отмель, нет нигде. Прозрачная у берега вода, уходя к горизонту, приобретает насыщенный синий

оттенок. Пушистые сосны почтительно расступаются от береговой кромки и прячут прибрежные горы в мягкой игольчатой зелени. Панораму венчает снежная гряда Катунского хребта с манящими перевалами. Одна из окрестных гор застыла величественной царицей Тамарой. Проложенная по левому берегу тропинка зовет к красотам, спрятанным расстоянием: Шумы, озера Среднее Мультиинское, Верхнее Мультиинское, Поперечное. А там уже и ледники совсем близко плачут горячими слезами, отдавая себя без остатка на шелест волн, журчание ручьев и грохот водопадов.

Ранний подъем, сборы неожиданно прерываются появившимся как бы ниоткуда Сергеем Скородумовым. Мы-то были уверены, что он благополучно едет верхом с конной группой. Возникшему препятствию уже не удивилась. Неподъемная цена за коней, названная проводником, в очередной раз перестраивает наши планы и лишает наших друзей возможности забросить продукты и альпинистское снаряжение максимально по Катуню вверх к ледникам Геблера. Решаем дожидаться несостоявшуюся конную группу и идти все вместе. Сергей с четырех часов утра прошел шестнадцать километров вверх по дороге, переходя вброд реки, и успел перехватить нас буквально на выходе. А потом еще вернулся назад к маральнику, где его ждала машина.

Так озера оставляют нас еще на один день. Радуются наши друзья, которые планировали постоять здесь дней пять. Тревожно у меня на душе, поскольку каждый день задержки автоматически увеличивает нагрузку на другие ходовые дни. Наступивший солнечный день располагает к отдыху. Легкая пробежка к Шумам – место, где через огромные камни вода из Среднего Мультиинского озера переливается в Нижнее Мультиинское озеро, набранные по дороге грибы, купание в озере, солнечные ванны – большая часть группы наслаждается этой лепотой в предвкушении завтрашнего марш-броска.

Выйти на маршрут удалось только в 16 часов следующего дня. Пока приехали друзья, пока определились с составом групп, продуктами и прочее, прочее. И опять тот же шелест за спиной: «Идут трудные знаки», и надежда в глазах остающихся на озере: «А может быть, не пойдете, может, останетесь?»

Буквально взмолилась:

– Други мои, отпустите нас, не держите нас! Мы должны идти с мыслью, что все преодолеем, будут для нас добрые знаки и Алтай пропустит нас в свои места заповедные!

Этот вопль возымел свое действие и шестнадцать человек дружно двинулись к броду на реке Мульта. Некоторое время за нами шла группа поддержки, друзья ободряюще помахивали руками, но вскоре говорливые воды Мульти разделили нас, став той чертой, за которой осталось легкая безмятежная праздная жизнь.

Куйгук – Акчан – Кыргыз

«Иди по тропе, и будет сначала ложбина, потом болотце, затем тропа раздвоится, вниз по реке не иди, поворачивай направо – так короче», – вот по такому абрису егерей доходим до ручья Куйгук.

Высоковато бревно над водой, лучше подстраховаться. Навешиваем перильную веревку и проходим на другой берег. Далее все просто: тропа неумолимо ведет тебя вверх, рюкзак пока непривычно давит на плечи и поясницу, двадцать-тридцать минут идем, десять отдыхаем. Каждый прислушивается к себе, своим ощущениям, лихорадочно оглядываясь вокруг, – что же появилось нового за поворотом тропы? Как бы ни упустить что-то важное, примечательное. Все разговоры постепенно сужаются до одного – скоро ли водопад Куйгук, и как он выглядит? Альпинистское снаряжение, продукты на шестнадцать дней, палатки – вес приличный, а для первого ходового дня – почти неподъемный. Тело категорически бунтует от таких нагрузок и просит отдыха, поэтому темп движения – пока не быстрый. Не дойдя с полкилометра до водопада, останавливаемся на хорошей стоянке около больших кубических камней. Очень прельстило нас оборудованное костровище с полиэтиленовым тентом.

Интересно наблюдать за людьми. Физические нагрузки могут оказывать буквально противоположное действие. Чем тяжелее – тем больше смешных историй рассказывает Юрий. Анютка сосредоточенно глядит на дорогу, а кое-кто и приуныл. Для кого-то ободряющее слово просто необходимо, а другого человека лучше не трогать, дать ему время пережить новые ощущения. Что же будет спасительным в такой ситуации? Очень просто – помнить о том, для чего пришел в горы Алтая, что хотел от самого себя?

Этот поход радует меня своими ранними подъемами, благодаря чему даже такая большая группа как наша, может выходить достаточно рано. У нас в палатке – персональный «барометр» и «термометр» в одном лице – это Сашка. Второй год мы с ним в походах, меня поражает и радует одновременно его желание пораньше встать и вылезти из палатки. Зато мы можем всегда спросить:

– Ну как там за бортом, какая температура, какое небо, а сильный ли ветер?

Получив исчерпывающую информацию, решаем спать дальше или вставать.

Сегодняшний день встречает солнечным рассветом, костер быстро разгорается и разных концов поляны звучит: «Доброе утро! Доброе утро!»

Встреча с водопадом Куйгук происходит ранним утром. Когда-то меня научили разговаривать с водопадами. Нужно подойти к потоку воды достаточно близко, но так, чтобы брызги не попадали на тебя и сказать: «Батюшка водопад, поговори со мной!» Если в ответ получишь капельки брызг, значит, водопад склонен разговаривать. После этого можно задавать вопросы и получать в ответ «да» в виде очередной партии брызг либо молчаливое «нет».

Хорошая тропа по лесу и моренным валам приводит нас к перевалу Куйгук. Травянистый склон с этой стороны перевала не представляет особой сложности, зато на спуске приходится на скальном сбросе вешать веревку. Мастер-класс спуска спортивным способом нам показывают Даша и Юлия, их занятия спелеологией не прошли даром.

Сергей глубокомысленно осматривает окрестности.

– А ты была у нас на Старой Крепости. (У нас – это на Кузнецком Алатау). Вот где красотища! Останцы стоят как город. Это что...

Такого патриота родного края никакими красотами Алтая не удивишь. Кто-то пытается разубедить, но стоит ли это делать, ведь в душе каждого человека есть его самое любимое, самое заветное родное место. Вся другая красота только подчеркивает внутренние ощущения.

Вижу сверху, как у Рады раз за разом подворачиваются ноги при спуске по тропе, Аркадий едва успевает ее подхватывать.

– Привал! – говорит Рада после очередного своего падения. За этим приятным занятием мы нагоняем их.

Озеро Акчан радушно приветствует синей гладью, экзотически смотрятся прибрежные скалы, справа возвышается висячая долина, но наш путь вниз, до первой хорошей стоянки. Песчаная отмель, заросшая чабрецом, обилие дров и, как итог – песенный вечер у костра. Как будто не было километров пути и первого категорийного перевала.

*Я знал столько полезных вещей
и теперь все их забыл. Как обокраденный путник,
как бедняк, потерявший имущество,
я вспоминаю тщетно о богатстве,
которым владел я давно;
вспоминаю неожиданно, не думая,
не зная, когда мелькнет погибшее
знание. Еще вчера я многое знал,
но в течение ночи все затемнело.
Правда день был велик.
Была ночь длинна и темна.
Пришло душистое утро.
Было свежо и чудесно.
И озаренный новым солнцем
забыл я и лишился того,*

*что было накоплено мною.
Под лучами нового солнца
знания все растворились.
Я более не умею отличить
врага от друзей.
Я не знаю. Когда грозит мне
опасность. Я не знаю, когда
придет ночь. И новое солнце
встретить я не сумею.
Всем этим владел я,
но теперь обеднел.
Обидно, что снова узнаю
нужное не ранее завтра,
а сегодняшний день еще длинен.
Когда придет оно –
завтра?²*

В этом походе была одна странная особенность. Пока шли и молились – все получалось как надо. Как только радость за хорошо пройденный участок пути начинала переполнять сердце, сразу возникали проблемы.

Очень гордые хорошо пройденными вчера километрами, мы двигаемся по тропе. Показалась избушка, где пастух направляет нас дальше по тропе вниз до брода. Нам нужно – на другой берег реки и далее уходить на плато Кыргыз. Проходим мы километров семь и никакого брода не видим. Ощущение, что идем неправильно, становится все настойчивее. Гордость улетучивается, сердце освобождается для молитвы. И только после этого нам попадает добрый «эльф» в виде пастуха Андрея верхом на коне. Еще чуть-чуть и мы бы дошли до маральника, а там одиннадцать

километров до Мульты, и нам совсем туда не надо. Возвратившись обратно, метров через триста уходим по малозаметной боковой тропинке, спускаемся вниз к реке, находим подходящее место для брода и уже на другой стороне реки встаем на обед.

Об этом обеде необходимо сказать отдельно, поскольку было у нас два человека, которые постоянно занимались заготовкой дикоросов. Алексей большей частью собирал грибы, которые мы варили, солили, жарили. Владимир больше специализировался на ягоде. В этот раз он быстро организовал молодежь на сбор жимолости и красной смородины, и мы сварили ягодный компот. Ягоды было много, поэтому компот получился таким насыщенным, что терпкость обволакивала не только слизистую рта, но и всего пищеварительного тракта.

После такого экзотического обеда с легкостью форсируем вброд ручей и поднимаемся вверх по направлению к плато, пока не наступают сумерки. Останавливаемся прямо на тропе. Быстро натаптываем крутую тропинку к ручью. Наиболее подходящее под палатку место отдаем молодежи, а сами устраиваем себе площадки, выкладывая их камнем и мхом.

«Призрачно все в этом мире бушующем...» Была просто тропа, пришли люди – и теперь это стоянка, завтра они уйдут и через неделю трава распрямится, зарастет костровище, словно и не было никого. Поход всегда – сочетание эфемерности с обстоятельностью. Ставишь палатку, осматриваешь окрестности, собираешь дрова так, как будто будешь жить здесь всю оставшуюся жизнь, а наутро – раз – и нет тебя.

В зарослях ивы теряется тропинка. Недаром это дерево называют штанодралом: ветки цепляются за одежду, рюкзаки, прямо сибирский эквивалент южному «держидереву». В высокотравье теряется тропинка – тоже не сахар: можно не заметить камни, ручьи, норы, да и упругие стебли сопротивляются, просто так не уступают своих позиций.

Особенно «привлекательно» ходить по высокотравью в дождь – получаешь двойной эффект от воды сверху и от влажной травы, никакой дождевик не спасет. Маралий корень вырос наравне и даже выше человеческого роста, поэтому стоит только зазеваться, и вот уже соцветие в виде солидной чешуйчатой шишки прицельно бьет тебя по лбу. Знай наших! На плато нас ждут заболоченные участки: как не старайся либо с кочки соскользнешь, либо задернованный с виду участок предательски утонет под твоими ногами. «Чав, чав», – разговаривает с тобой болото. «Чав, чав», – отвечает ему вода в ботинках. Поворачиваешься назад посмотреть, где прошел, а тропы-то и нет: спружинил дерн под твоим весом, распрямился, и как будто не было тебя. Вот такое оно, болото, своенравное и себе на уме.

Спасительными островками среди болота выделяются участки с растением синюхой. Там сухо и твердо под ногами. На одном из таких островков Юра читает стихи Бальмонта о женщине. Женщины замирают в приятном мгновении, мужчины становятся более галантными. Юра вообще уникам

в плане юмора. Вечерами веселит нас своими практическими познаниями в области медицины. «После таких гор остается только прыгнуть с парашютом и спуститься в

пещеры», – глубокомысленно подводит Юрий некоторый итог своей жизни, оглядываясь вокруг.

Играет с нами Алтай, смиряет нашу гордыню. Появившаяся вдоль ручья тропа неожиданно пропадает после брода через ручей и только едва заметные звериные тропки расходятся в разные стороны. Дело к вечеру. Поднимаемся на пригорок и делает стоянку среди кедрача. Этот вечер дарит нам необыкновенный костер. Сноп искр фейерверком вырываются из огненного горнила и замысловатыми спиралями разлетаются в пространстве. «Ночь пройдет, наступит утро ясное», - поет Лада под гитарный перебор, - «знаю, счастье нас с тобою ждет. Ночь пройдет, пройдет пора ненастная...»

– Солнце взойдет! – подхватывают дружно все.

– Солнце взойдет! – с треском вылетает очередной огненный фейерверк в ночное небо.

– Солнце взойдет! – разносится мягкое эхо.

Походная песня делает одно из великих дел на земле – она объединяет. Вокруг костра сидят дорогие тебе люди. Ты смотришь на их усталые задумчивые лица, но светящиеся глаза – и еще больше начинаешь ценить выпавшую возможность оторваться от обыденных дел, уйти в дальние края. И во всем мире здесь и сейчас существуют только эти, такие разные, но близкие для тебя люди, с которыми ты спишь в одной палатке, ешь из одного котелка и делишь нехитрые радости и горести.

– Девчонки, давайте свою посуду, все равно к речке идти мыть, - слышу голос Павла Мирошникова.

– Рада, давай просушу твои вещи, пока костер жаркий.

А Рада в это время уже нежится в палатке.

– А где грязный котелок? Моя очередь мыть его.

– Так вон уже чистый стоит.

Кто и когда помыл, не успели заметить. Заботливость обо всех и каждом - залог успешного прохождения маршрута. Хорошо, когда люди это понимают и стремятся максимально облегчить жизнь ближнего своего. В итоге хорошо становится всем. Походная группа – это маленькая община. И пусть она

создается на короткий срок, но зато условия максимально способствуют проявлению всех качеств человека.

Наша палатка работает еще и санчастью. Лечим руку Павлу Чернову—после неудачного кульбита в ручей. Лечим начинающуюся простуду у Володи и Алексея. Накладываем суперпрочные пластыри с прополисом всем желающим, а еще массируем с разными мазями плечи и спины, особенно у мужчин, особенно в первые дни, когда идет привыкание к рюкзакам. Уделяем пристальное внимание коленям и голеностопам, здесь какие только средства не идут в ход, даже мази для коней с насыщенным запахом камфары.

Все манипуляции – не зря, поскольку спуск к Нижнему Курагану очень крутой. Узкое ущелье ручья Кыргыз кажется совершенно диким. Тропа серпантинном обвивает склон, зато на одном из открытых участков открывается великолепный вид на Кураган. Достаем карту и смотрим с высоты птичьего полета на предстоящий путь до следующего перевала. Четыре горы - и налево. Вот бы крылья и вперед! Но спускаясь все ниже и ниже, окунаемся в лесные объятия пихт и елей. Вот и долгожданный берег реки. Срочно обед, баня, прачечная. Мы на границе Белухинского биоферного заповедника.

– А это кто такой? – Володя вдруг замечает игрушечного медведя Михейку, который всю дорогу едет на рюкзаке Юли. Это Даша с Юлей взяли его с собой в поход как будущие педагоги и всё время его «воспитывают» и за ним «ухаживают».

– Давай я тебя сфотографирую.

И медведик прочно входит в историю наших походов.

Прощаемся с Володей, который решил идти по Курагану вниз, поскольку несколько дней не спадает температура. Его измененное под воздействием высокой температуры сознание пару раз помогало нам найти нужную тропу. Расстаемся с большим сожалением: он - превосходный фотограф, неутомимый путешественник и приятный собеседник. Всегда максимально помогает другим и минимально принимает помощь по отношению к себе. Глядя на него, любой лодырь начинает собирать грибы, ходить за дровами, подтаскивать рюкзаки. Делаем прощальное фото. Володя нечаянно распарывает палец на ноге, окропляя кровью здешнюю землю.

– Ну вот, жертву принесли, можно спокойно идти дальше, – вырывается фраза. Так всегда бывает, когда ситуацию уже не исправить, палец не вернуть в целостное состояние, поэтому остается только найти в этом что-то полезное и целесообразное.

Нижний Кураган – перевал Иолдо

Наступила благодатная пора. Идем по обустроенным тропам заповедника. Через ручьи – мосты, по низинкам проложены деревянные гати, грибов видимо-невидимо, неожиданно появляются заросли черники. Группа делает незапланированный передых, поскольку черника для тех, кто ходил по Алтаю в основном по Кучерле и Аккему, явление редкое и очень вкусное.

Останавливается в живописном месте впадения реки Ешту в Кураган. Палатки ставим на широкой песчаной отмели. Хорошее место для отдыха и релаксации.

Недельный солнцепек заканчивается разыгравшейся ночной грозой, что не мешает нам на следующий день уже в полдень быть на реке Кара-Айры. Очень бурная мощная река легко переходит по мосту, рядом с которым необычное природное явление – гремящая скала коричневого цвета. Проходя мимо нее, замираю от мощного вибрирующего звучания. Кажется, что прикоснувшись рукой, можно ощутить, как камень весь дрожит под напором

невидимого потока.

Двухчасовой переход завершается прибытием на стан Казиниха. Показываем егерям пропуска, готовим обед и в нерешительности сидим под навесом и поедаем сваренные грибы. Погода неумолимо портится, егеря уговаривают остаться в надежде заработать на нас приготовлением бани, но решаем двигаться вперед до ручья Бочаниха.

Представьте себе тропу через высокотравье, потом участок курума с лиственницей и пихтой, снова высокотравье, затем опять участок курума и так много раз подряд. Возникает ощущение дежавю. Мелкий дождь постепенно усиливается, заметно темнеет. В таких условиях замолкают даже неунывающие балагуры. Все сосредоточенно спешат в ожидании обещанной поляны на берегу ручья. Зато палатки ставятся как по мановению волшебной палочки, костер быстро разгорается, привлекая к себе усталых и промокших путников. Всё нипочем!

На целые сутки нас останавливает заунывный дождь. Выспались, наговорились, еще раз выспались. Дежурные во время кратких остановок дождя успевают приготовить положенные завтрак, обед и ужин. Вечером, устав от безделья, народ начинает петь песни и ходить друг к другу в гости по палаткам. Мы как ёжики в тумане. Выходишь из палатки, а вокруг – плотный молочный туман, не видно ничего, кроме ближайшего дерева. Оказалось, что рядом с нами на склоне – заросли черники, но мы их не нашли.

Утром, дождавшись, когда стихнет дождь, выходим и успеваем за два часа в условиях слабой видимости выйти на последние кедровые стоянки в верховьях реки Иолдо. Снова дождь. Останавливаемся. К вечеру резко холодает. Идет снег.

Утро встречает нас льдом и инеем на палатках. Все склоны окрестных гор становятся кристально белыми, в новогоднем убранстве стоят кедры. Красотища! Еще это признак хорошей погоды, дожди ушли, опять возвращается солнце. Лена выползает из палатки похожая на колобок, в эту холодную ночь она надела на себя всю одежду. Одно из заблуждений боящихся замерзнуть. Чем больше надеваешь на себя одежды и потом запаковываешься в спальник, тем холоднее будет спать, поскольку одежда плотно прилегает к телу и спальнику, нет воздушных прослоек, и человек замерзает быстрее. Мы радостно собираемся и движемся к перевалу.

Прошедшие дожди осложнили передвижение по крупноглыбовому курумнику. На камнях раскисший лишайник и мох скользят под ботинком, поэтому отдельные участки проходим почти на четвереньках. С облегчением переходим на морены и подболоченную тропу, перевальный взлет покрыт снежником.

Перевал широкий, просторный. У меня он вызывает впечатление

высокогорного перекрестка: прямо пойдешь – на Катунь придешь, налево пойдешь – на озеро Дорожколь придешь, а с правой стороны пришли мы. Дух захватывает от открывшегося простора, от бесконечных горных цепей, покрытых снегом и льдом.

Здесь мы прощаемся с основной группой. Неизвестный нам добрый эльф проложил к перевалу Иолдо Западный тропинку на снегу, по которой мы с Сашкой провожаем

на Дорожколь наших друзей и возвращаемся обратно. Всё, нас осталось пятеро, и у нас впереди – самый трудный и самый желанный участок пути. Быстро спускаемся до первых удобных травянистых площадок и встаем на ночлег.

После кордона Казиниха, мы больше не встречали людей. На отдельных участках маршрута троп практически нет, именно это ожидает нас и завтра. Пойдем местами малохоженными, а дней остается не очень много. Мы все дальше и дальше уходим от начальной точки маршрута, а нужно еще успеть вовремя вернуться. Какой будет погода? Поставит нам препятствия или поможет? Чувство неопределенности пытаемся развеять, в очередной раз, изучая карты, просчитывая километры и варианты, пытаюсь за горизонталями угадать предстоящие подъемы и спуски.

Голос еще раз подам.

Куда от меня вы ушли?

Вас мне снова не слышно.

*Голоса ваши в скалах
заглохли. Я больше не отличу
голос ваш от
ветки падения, от взлета
птицы случайной. Призывы
мои для вас тоже исчезли.
Не знаю, пойдете ли вы,
но хочется мне еще на
вершину подняться. Камни
уже оголились. Мхи стали
реже, а можжевельник
засох и держится слабо.
Арки ваши пригодным
был бы и мне, но и один я
взойду³.*

Вокруг Белухи

Тропы нет, но по камням, да по низкой траве идти не составляет большого труда. На нашу удачу очередной добрый эльф проложил дорогу в высокотравье именно туда, куда необходимо попасть и нам. Только увидев развороченные муравейники да лежанку под кедром, мы понимаем, что имя этому эльфу – мишка косолапый. Как бы то ни было, но медвежья тропа приводит нас в красивое узкое ущелье, среди морен которого мы обнаруживаем небольшое озерко необычайной прозрачности. Всё озеро просвечивается до дна, видны все камешки под толщей воды. Нам предстоит найти перевал Обской. Открывшийся слева цирк обрывается к моренному озеру крытыми склонами и узкими камнепадными кулуарами. Это совсем не походит по категории сложности на нужный нам перевал. Поднимаемся правее и останавливаемся в моренной впадине среди снежников. Было желание пройти дальше и подняться на хребет, но дальнейший путь стопорит неясность ситуации, в которую мы попали.

Саша идет на разведку, достаю карты, и мы в очередной раз делаем привязку к местности. Опять меняем нитку маршрута, думая в первую очередь о безопасности.

Вот он, перевал Юбилейный, совсем близко. Надев кошки, пробегаем по снежникам и за один час поднимаемся на хребет. Не отказали себе в удовольствии походить по самому хребту и осмотреть окрестности. С высоты намечаем путь дальнейшего движения: пересечь долину реки Узун-Курасу и через перевал Волжский уйти в долину реки Капчал. Крутой травянистый спуск аккуратно траверсируем, на участках сыпухи глиссируем и только потом, оглянувшись на некотором расстоянии

назад, понимаем, а перевал – то крутой. Хорошо, что погода стоит сухая и солнечная.

Верховья реки Узун-Курасу похожи на выжженную степь с низкой плотной растительностью, среди которой находим щавель. Его кисловатые сочные стебли и листья прекрасно утоляют жажду. Поднимаемся вверх по руслу ручья, выходим на перевал и замираем от восторга: высоко над цепью вершин парит Белуха неприступной сказочной башней. Такой гору белую мы еще не видели. Чем-то похожа она здесь на картину Н.К.Рериха «Нанда Деви».

*Оттуда где сны создаются,
Где возносятся жертвы,
Где свет Незримый труд освещает,
Оттуда привет.*

*В шопоте листьев,
В плеске волны,
В дуновении ветра,
Я – с вами.*

*Среди жестоких и темных,
Среди предательства духа,
Среди исканий и скорби,
Щит Мой над вами⁴.*

Такие виды и картины необыкновенно вдохновляют. Не чувствуя усталости спускаемся вниз до реки Капчал, проходим ее вброд и по хорошей тропе достаточно быстрым темпом идем до кедровой стоянки, с которой видно две реки сразу: Капчал и Катунь. При переправе Светлана теряет одну калошу. Так начинаем платить дань. Два года назад по Капчалу уплыл новый фотоаппарат, так что на сей раз отделались легко.

Наступившее завтра открывается перед нами широкой долиной Катунь и

ожиданием встречи с Белухой. Идем то по тропе, но по песчаным отмелям, то среди зарослей ивы, попадаетея участок сложного траверса по крутому склону горы. Ощущение такое, что идешь не вверх, а в низ. Да, отвыкли мы от ровной местности. Белуха закрыта облачностью.

Необычное небесное зрелище: облака несутся по небу с большой скоростью в разных направлениях, буквально калейдоскоп из голубых участков неба, белых кучевых облаков, серых рваных туч.

Вдруг на тебя падают капельки дождя, но здесь же пробивается луч солнца, и как мост среди этого небесного хаоса сверкает радуга. Говорить

совершенно не хочется. Вообще сейчас мы – команда молчунов, понимаем друг друга без лишних слов, достаточно взгляда.

Преодолеваем четыре рукава ручья Рассыпного, низвергающегося в Катунь мощным водопадом и выходим на моренные валы. Если со стороны Аккема склоны цирка Белухинского узла отделяют высокие мощные морены с бараньими лбами, что ни говори – северная суровая сторона, то здесь всё по-другому. Невысокие валы кое-где заросли кустарником или мелкими деревцами, часто попадаются небольшие ровные площадки. Поработала красавица Катунь – все сгладила, смягчила, размыла. Да и сама Катунь начинается не тихим ручейком, а мощным потоком вырывается из ледника, сразу заявляя о себе. Выбираем для стоянки песчаную отмель с обширными зарослями карликового иван-чая. Еще одно открытие – среди камней растет золотой корень.

Кажущееся благолепие резко прекращается, когда налетают сильные порывы ветра и буквально сносят палатку, прижимают дуги к земле. Начинаем экстренные спасательные работы: выкладываем из камней стенки вокруг палатки, укрепляем растяжки. Ужин приходится готовить в тамбуре, небесный калейдоскоп завершается грозой.

Что делать? Извечный русский вопрос. Нам осталось всего пять дней. Еще не поздно вернуться назад и через перевал Восточный Капчальский спокойно дойти до Кучерлинского озера, а там до Тюнгура – рукой подать. А как же тогда мечта? С тревогой в душе засыпаем в надежде, что ночь принесет нам знаки через сновидения.

Просыпаемся в четыре утра, еще очень темно. Спрашиваю, кому что приснилось. А в ответ – тишина, никто ничего не помнит. Решаем спать до пяти утра. Поворачиваюсь лицом к Белухе и молю дать знак. Предрассветный час приносит сон, связанный с рождением девочки. А девочка – это диво, значит, стоит рисковать. Озвучиваю друзьям своё решение, молчаливый Александр начинает радостно улыбаться: «Я так не люблю возвращаться назад».

Пока собирались, Белуха постепенно открыла свои вершины, показала ледяные ступени к ним в виде ледников Геблера и Катунского. С другого берега реки появился дымок. Оказывается мы не одни. Группа из Уфы сегодня идет на восхождение. Но нам туда не надо. Переходим вброд ледяную воду Катунь и начинаем подниматься на перевал Динамо. Подъем долгий и крутой, сам перевал снизу не видно, он обманчиво расположен за поворотом. Часто оглядываемся назад, ведь чем выше поднимаемся, тем более интересно раскрывается перед нами панорама Белухи. Как на ладони виден путь, по которому альпинисты поднимаются на ее вершины. По правобережной морене идет набитая тропа, которая позволяет обойти первую ступень ледопада и выйти на ровную площадку. Там еще одна ступень ледопада, и ты на предвершинном плато. Здесь самый легкий и безопасный подъем на Белуху, но к истокам Катунь долго и трудно добираться, поэтому сейчас большинство альпинистов выбирают более трудный подъем со стороны перевала Делоне. И каждый год проходит информация о погибших людях.

Этот год – не исключение. Группа из Петербурга, которую мы встретили на Капчале, специально пришла установить памятную табличку о погибшей под лавиной девушке. В марте 2008 года они шли вокруг Белухи.

До сих пор восхождение на Белуху остается спорным вопросом. С точки зрения спортивной – взшел и всё. Очередная вершина в копилке альпиниста, причем не очень высокая. С другой стороны по алтайским обычаям на Белуху не то чтобы восходить, даже смотреть в ее сторону без почтения запрещается. Священная гора. Все кто планируют остаться жить в Уймонской долине или быть ее другом, даже не помышляют о восхождении. Иначе не примет Алтай. В связи с этим даже родился афоризм: «А вы видели когда-нибудь альпинистов на храме Христа Спасителя?» У каждого народа свои святыни.

Вот и сам перевал Динамо. Хребет разделяет долину рек Катунь и Белая Берель. Мы прощаемся ненадолго с Белухой и начинаем спуск.

Всё другое – цвет камней не серовато-зеленоватый как на Катунь, а с красными оттенками, да и сами огромные округлые камни сложены амфитеатром. На пути крутые скальные сбросы, участки снежников. Выходим на высокогорное плато. Такая красота! Идти легко и без тропы, широкой панорамой видны все окрестности, реки Большая Кокколь с одноименным водопадом, Малая Кокколь. Мы торопимся к Белой Берели. Наш чудесный переход по плато завершается

крутым спуском по заросшему высокотравьем склону. Начинает накрапывать дождик, и трава мгновенно становится невероятно скользкой. Находим сухое русло ручья и как в тоннеле идем по нему. Но сухое русло вскоре соединяется с основным потоком, и мы продолжаем свой путь по воде. Благо камни под водой хорошо промыты, без водорослей, поэтому не скользят. Скальные сбросы высотой полтора-два метра преодолеваем в упоре руки сзади, а ноги нащупывают под

водой небольшие полочки.

Мокрые? Да! Но зато целые и невредимые. Подумаешь, совершили омовение. После такого количества бродов, которые мы прошли на маршруте, вода ручья кажется теплой, а постоянное движение не дает телу замерзнуть. Наступающая ночь застает нас среди высокой травы на краю обрыва к Белой Берели. Спуска не видно, поэтому вытаптываем площадку под палатку и ложимся спать. На ужин съедаем вкусные запасы в виде соленой рыбки в вакуумной упаковке. Что интересно – пить не хочется. Видимо организм впитал в себя достаточное количество воды через поры кожи.

Утром быстро находим спуск, разжигаем костер, высушиваем на солнце одежду и поднимаемся вверх по реке. Здесь нас ожидает парадоксальное открытие – Большого Берельского ледника практически нет! Остатки льда покрыты толстым черным слоем пыли и камней, которые только убыстряют процессы таяния. Зато на кратчайшем расстоянии перед нами – Восточная Белуха. Кажется, пройди метров триста по леднику, вот уже и подъем на перевал Берельское Седло, а там ты на центральном плато, откуда до вершины рукой подать. Это так нереально близко, что у друзей загораются глаза.

– А может, махнем через Седло?

– А что, подняться не трудно, вон только ледопад пройти.

– Ну, надо же, как близко!

Заворожено смотрим,
фотографируем, удивляемся
безлюдью и тишине вокруг.
Продолжаем путь на Малый
Берельский ледник. Если его
сравнивать со старшим собратом, то
его состояние гораздо лучше. Он еще
достаточно крупный, кое-где засыпан
обломочным материалом,
практически без трещин. Становимся
на нем на ночлег поближе к перевалу
Олимпийский. Павел Мирошников
расширяет небольшой ручей, сооружает озерцо, которое через пару минут
покрывается льдом.

Ночь выдалась беспокойной. Ледник живет своей загадочной внутренней жизнью, которую мы ощущаем в виде резких хлопков, как будто кто-то стреляет из ружья. Ледник трещит, стонет, ухает где-то в глубине, а на поверхности все спокойно. Но почему-то хочется поскорее уйти с этого места.

Ночной мороз хорошо скрепил сыпуху, поэтому подняться на перевал не составляет большого труда. Стоит только нам появиться на самом перевале, как шквалистый ветер срывает с головы Саши кепку, с моего рюкзака седушку и уносит в неизвестном направлении, кружа над скалами отобранными предметами.

На спуске навешиваем 200 метров веревок, потом еще метров триста идем в три такта, страхуя себя на снежнике ледорубом. Перевал высокий и крутой. Перед выходом на ледник приходится обойти с правой стороны скалу, немного поплутать среди трещин. Ледник Куркуре белоснежный, чистый. Когда начинаем подниматься по нему под перевал Турист, то опять натываемся на следы. Вот они, добрые эльфы, как всегда рядом.

Ставим палатку в «чистом поле» на леднике и делаем разведку на перевал.

- Помню я перевал Турист, на нем ледник такой в виде галстучка. Ты не ходи на него, он не очень хороший для прохождения, – так напутствовал меня Юра Мирошников.

И вот мы под этим перевалом, сидим и вспоминаем рассказы Юры о том, как ходил он здесь горную пятерку в 1978 году. Сидим и смеемся над тем, как потом расскажем, что не послушались его и прошли. Дня не проходит, чтобы мы не вспоминали о нем.

– Откуда течет ручей Рассыпной?

– Да с ледника Черного. На него Юрка вышел, когда они делали первопрохождение перевала Памяти новокузнецких туристов со стороны Аккемской стены.

– А какая категория сложности?

– Тройка «Б», самая сложная.

– Вон видишь, рядом с Олимпийским перевал Цирк? Его Юрка проходил в своем походе.

– Да уж мы лучше бы прошли его, чем Олимпийский, он ниже и спуск короче, а бергшрудн легко перепрыгнуть.

– А на Туристе Юрка был?

– Был...

И еще много-много всего. Как по ледникам ходил в одних шортах, как спал раздетый в спальнике – практически не замерзал. Как учил новичков просто правильно ходить в горах. Снег и лед – его стихия, а вот скалы не любил, не доверял им. Очень коварны скалы – в любой момент может сорваться камень и причинить неприятности.

Перевал Турист по классификации был самым сложным на нашем маршруте, но прошелся достаточно легко. Надев на ботинки кошки, с попеременной страховкой поднимаемся по леднику, осторожно проходим по снежному мосту двухметровой ширины бергшрудн и уходим под скалы. У Павла слетает с руки перчатка и летит, набирая скорость, прямо в бергшрудн. Очередную дань отдаем Алтаю. Саша уходит вперед на скалы и навешивает перильную веревку. Малейшее его движение вызывает спуск камней, мы прячемся под скалой. Постепенно на жумарах все поднялись на перевал. Работа с попеременной страховкой как-то по-особенному воздействует на людей. Возрастает ответственность за своих товарищей, ощущение серьезности происходящего.

С северной стороны всё занесено снегом, поэтому без проблем выходим на самый большой ледник Белухинского узла – Менсу. Вот они, добрые эльфы, на этот раз группа туристов из Бийска, прошла перевал за три дня до нас. Следы их передвижения по леднику еще не растаяли, и мы, не опасаясь провалиться в трещины, быстро шагаем вниз по плотному фирну, стараясь пройти как можно больше, пока на солнце снег не начал таять. Следы пропали, начинаем петлять среди трещин, перепрыгивая узкие участки, обходя широкие. В одну из трещин приходится спускаться, а потом выкарабкиваться наверх.

Постепенно разворачивается грандиозная картина. Слева вверх на центральное плато уходит мощный ледопад, направо – многокилометровый ледовые поля. Мы пересекаем ледник поперек и поднимаемся под перевал Дружба. Слева от

нас Восточная Белуха, пик Делоне, хорошо просматривается крутой перевал Делоне и перевал Титова. Справа – пик Караюк, совершенно безобидный и маленький. Можно без проблем подняться по его склону на вершину. Совсем по-другому смотрится он с долины Аккема: сурово и неприступно.

Снег стал рыхлым, начинаем проваливаться и по очереди тропить. Оказывается, перевал Дружба очень популярен, на него ведут несколько троп.

Выбираем более проторенную из них и выходим на скалы. Выраженного седла перевала с этой стороны нет, практически можно перевалить хребет в любой точке, что народ и делает. Среди скал находим тур с запиской из Санкт-Петербурга и начинаем искать спуск. С правой стороны скалы заканчиваются круто на протяженном участке, поэтому уходим влево до удобного спуска, где можно обойтись навешиванием одной веревки. Здесь уже на камне висит петля, облегчая нам организацию страховки.

Вот и все, мы на леднике, последний перевал пройден. Силы резко куда-то уходят, отправляю напарников вниз по леднику искать удобную площадку под палатку, сама спускаюсь не торопясь. Предыдущая группа протоптала в снегу практически дорогу, сам ледник простой, без трещин. Два категорийных перевала за день – это вам не фунт изюма скушать, да еще и самый сложный на маршруте ледник Менсу. Как много может работать адаптированный к высокогорью организм.

При этом мало спать и мало есть. А если рядом с тобой терпеливые выносливые немногословные друзья, то тогда можно сделать очень много.

Александр Устименко. Самый скорый сильный и выносливый. Настоящий турист, который может много нести, долго идти и при этом работать технически. На каждой стоянке он не сидит на месте, а разведывает окрестности, ищет потерявшуюся тропу или, как на перевале Дружба, удобный спуск. Навешивание веревок тоже на нем. Он не многословен, но за него хорошо говорят его глаза. Черные угольки поблескивают, искрятся, сверкают, и ты понимаешь, что все происходящее вокруг созвучно его душе.

Павел Чернов. Самый терпеливый из нас и самый запасливый. В его контрольный груз входило невероятное количество шоколада, была запасная карта,

различные мелкие нужные вещи. Пожалуй, ему больше всего пришлось преодолевать себя, поскольку не так часто ходит в сложные маршруты, а тут еще и простыл в пути. Именно он всегда незаметно приносит воды, заботится о котлах, быстрее всех собирается на маршрут. При этом обладает удивительным свойством не напрягать собой людей. Всегда доброжелательный, всегда готовый прийти на помощь.

Павел Мирошников. Неутомимый наш. Более других восхищается красотой гор и спешит достать фотоаппарат и запечатлеть увиденное на снимках. Всегда рядом, всегда готов помочь надеть рюкзак, подать ледоруб. Тонкий юмор, интересные рассказы – это по его части. Еще могу сказать, что он – большой мечтатель. Только часто мужчины именно это качество прячут глубоко внутри себя, но горы выворачивают все наизнанку. В горах с мечтателем легче идти, легче жить в одной палатке.

Светлана Блошенко. Мы с ней в горах пятый год. Геолог по образованию, прожившая много лет в экспедициях в Якутии, она словно рождена для гор. Всегда рядом, всегда с участием и заботой о других. Может всё: идти, нести, грамотно работать с альпинистским снаряжением. Любит петь и знает огромное количество бардовских песен. Душевный человек и верный друг. Всегда сдерживает свои чувства, но в ее сердце очень много тепла, любви и открытости к людям и миру.

Полностью доверяю пониманию своих напарников. На леднике Дружба первой заползаю в палатку, забиваюсь в уголок. Поднимается температура, начинает колотить лихорадка, тело судорожно вздрагивает, на каком-то этапе понимаешь, что твои мысли отдельно и тело отдельно. Друзья заботливо кормят рисовой кашей. Рассказываю все, что знаю об Уймонской долине и ее обитателях: аборигенах и приезжих, о предыдущих экспедициях, о планах на будущее. Самое главное, благодарю своих друзей за то, что они помогли осуществиться моей мечте – кругом почета пройти вокруг Белухи.

Но у нас остался всего один день. «Как мы далеко, как мы еще далеко», – навязчиво пульсируют мысль в моей голове.

– Самое главное – восстановить тонкое тело, тогда и физическое будет исправно работать, – говорю напоследок и засыпаю.

Утром не завтракаем, чтобы сэкономить время. На спуске любуемся трехглавой красавицей Белухой, панорамой горных вершин, названных в честь

семьи Рерихов. Слева от них – верный страж вершина Сердце в честь Зинаиды Фоздик, справа – вершина первого рериховеда П.Ф.Беликова. За горной подковой пирамидой сверкает пик Учителя. Между ними – пик Международного Центра Рерихов. И все необыкновенно рядом, на расстоянии протянутой руки. Расходится Белуха четырьмя хребтами на четыре стороны света. В северных отрогах между долинами Аккема и Кучерлы увековечены дорогие нам имена, как

магнит притягивают к себе новых путников.

Доходим до моренных валов на Аккемском леднике. Группа туристов из Москвы угощает нас чаем и кофе. Вот и завтрак в дружеской обстановке. Проходим моренные валы поперек, спускаемся на ледник, надеваем кошки и максимально быстро идем вниз. Когда закончился чистый лед, слышу Сашкин вздох:

– Эх, жаль лед кончился, понравилось ходить в кошках.

А мы уже выходим на тропу вдоль реки Аккем. Делаю очередное открытие: все вокруг необычайно сильно пахнет. Река пахнет рыбой, ива одурманивает сильным ароматом, от запаха травянистых растений кружится голова. Несколько дней среди льда и камней, без запахов, сделали свое дело – обоняние резко обострилось. На высотах мы жили только красками неба и водой, каждый ручеек имел свой вкус. Здесь же благоухание и буйство жизни. На пути деревце, все увешенное разноцветными тряпочками. Запасливая Светлана дает всем по одной, и мы исполняем древний алтайский обычай. Считается, что нужно оторвать от своей одежды небольшой кусочек и привесить его на дерево. Как только тряпочка выгорит, так твоя душа очистится.

Весь поход с нами прошла свеча из монастыря в Варницах, где родился Преподобный Сергей Радонежский. Заходим в часовню и зажигаем её со словами благодарности нашим Небесным Защитникам.

В час дня мы на Аккемском озере рядом с метеостанцией. Алтаец категорически отказывается везти нас на конях в Тюнгур, поэтому вариантов нет – пешком. Разгружаем Сашу. Его задача – максимально быстро прийти до места, откуда берет сотовая связь и предупредить друзей в долине, что у нас все в порядке. Надо сказать, что Саша все сделал как надо: за шесть часов дошел до стоянки «Три березы», по пути созвонившись с Виктором. Долго потом

удивлялся, что такое возможно.

Мы туда прибываем около часу ночи, пройдя за день сорок два километра. С наступлением темноты лесная жизнь замирает. В абсолютной тишине и темноте проходим мимо спящих в палатках людей, перебираемся через завалы деревьев, шлепаем по грязи. Видимо правильно алтаец не хотел ехать в ночь. Ночью надо спать и не тревожить жизнь вокруг светом своих фонариков. Это закон матушки-природы и алтайцы с молоком матери впитывают эти прописные истины и не нарушают.

Краткий ночной отдых и на рассвете идем на перевал Кузуяк. Завтраком для нас служат обильные ягоды вдоль дороги: малина, кислица, черемуха. Гармоничные звуки природы прерывает рев мотора ГАЗ-66. Оказывается, Виктор позаботился о транспорте для нас. Забираемся в кузов и с ветерком едем до села Кучерла, где нас ждут. Павел Мирошников с воодушевлением рассказывает о своих похождениях по лесам в окрестностях Новокузнецка. Он радостен и возбужден, не предполагая, что первой его и нас встретит печальная весть. В ночь резкого похолодания в верховьях

реки Северная Иолдо, когда окрестные горы и деревья оделись в хрустально-снежную сказку, от второго инфаркта ушел с земного плана его брат и мой учитель по горному туризму – Юра Мирошников. Говорить не о чем. Печаль плотным комком собирается в сердце, подкатывает к горлу, покрывая своим платом радость от пройденного пути. И это тоже жизнь, жизнь в которой одновременно рождаются и умирают, одномоментно страдают и испытывают великую радость. Одна из главных задач землян – научиться вмещать в сознание пары противоположностей, которые заставляют одновременно утонченно трепетать и разрывают твое сердце. В этом горниле растет душа человека.

В Нижнем Уймоне суета и последние сборы. Все радостно обступают нас. Кратко обмениваемся впечатлениями и расходимся по микроавтобусам. Повседневная жизнь начинает вносить свои коррективы. Теперь надо успеть кому-то на самолет, кому-то на работу. Остается маленький домик на пригорке с его неутомимой и рассудительной хозяйкой Зинаидой. Это с виду маленький домик, а на самом деле – крепость, в которой находится место более сорока путникам, куда можно приехать в любое время днем и ночью, где тебя всегда ждут и всегда будут тебе рады. И будет здесь путнику надежно и комфортно. Самая крепкая броня – доброжелательность охраняет эту территорию, открытую всем ветрам.

Теперь можно подводить итоги. Нас было много – 38 человек и три водителя из двенадцати населенных пунктов. Мы прошли три маршрута. Один легкий на Мультинские и Аккемское озера через Нижний Уймон с хорошей транспортной поддержкой. Другой через перевал Иолдо Западный на озеро Дорожкаль, потом на

озеро Кучерлинское, через перевал Каратюрёк на озеро Аккемское, далее вниз по реке в село Тюнгур. И наш маршрут. Два последних более 200 километров каждый.

Мы посетили музей старообрядчества в Верх-Уймоне и музей природы Алтая в административном здании биосферного заповедника «Катунский». Подняли Знамя Мира на фоне горы Белухи и вершин в честь семьи Рерихов. В этой экспедиции рождались планы на будущее, прокладывались незримые нити между городами и людьми, шла работа на будущее культурное сотрудничество. Легче и надежнее строить с человеком, проверенным в горах.

От Нижнего Уймона и Верх-Уймона через Таштагол, Новокузнецк, Трудоармейское, Прокопьевск, Анжеро-Судженск, Березовский, Юргу, Северск, Новосибирск, Ярославль, Тверь до Москвы и обратно. Незримо идет от Москвы 55-56 параллель, которая пересекается на севере Кузбасса с 86 меридианом, идущим от горы Белухи, соединяя города, горы и людей.

Напоследок казус, о котором его участники рассказали уже по пути домой.

Пошла наша молодежь за водой в соседний дом (у Зинаиды пока колодец не выкопан). Юноши зашли в дом, девушки остались на улице. Выходит местный житель и спрашивает:

– А вы йоги?

– А что, по нам заметно?

– Да!

Вот какую особую печать оставляют на человеке алтайские горы. Кто же он такой, йог? Живая Этика поясняет: *«Йог приносит радость, йог приносит здоровье»*⁵.

Можно назвать йога жертвователем, сеятелем, миротворцем, строителем, дальнорюким, внимающим и благодарным.

В жизни так много чудесного.

*Каждое утро мимо нашего берега
проплывает неизвестный певец.*

*Каждое утро медленно из тумана
движется легкая лодка и
всегда звучит новая песнь.*

*И так же, как всегда, скрывается
певец за соседним утесом.*

*И нам кажется: мы никогда
не узнаем, кто он, этот
певец, и куда каждое утро
держит он путь. И кому
поет он всегда новую песнь.*

*Ах, какая надежда наполняет
сердце и кому он поет?*

*Может быть,
нам?»*⁶

¹ Н.К.Рерих. Цветы Мории; пути Благословения; сердце Азии. – Рига: Виеда, 1992, с. 7-8.

² Н.К.Рерих. Цветы Мории; пути Благословения; сердце Азии. – Рига: Виеда, 1992, с. 11-12.

³ Н.К.Рерих. Цветы Мории; пути Благословения; сердце Азии. – Рига: Виеда, 1992, с. 14.

⁴ Учение Живой Этики. Зов. 1922 год. Апрель 13.

⁵ Учение Живой Этики. Надземное. 948.

⁶ Н.К.Рерих. Цветы Мории; пути Благословения; сердце Азии. – Рига: Виеда, 1992, с. 30.

График похода

дата	день	Нитка маршрута	км
31 июля	1	Анжеро-Судженск – Нижний Уймон	1200
1 августа	2	Нижний Уймон – Верх Уймон	
2 августа	3	Нижний Уймон – о. Нижнее Мультигинское	27
3 августа	4	дневка	
4 августа	5	о. Нижнее Мультигинское – водопад Куйгук	7
5 августа	6	Водопад Куйгук – пер. Куйгк (1А) – о. Акчан – р. Акчан	16
6 августа	7	р. Акчан – ручей Сарабель	12
7 августа	8	ручей Сарабель – перевал Громотуха (н\к) плато Кыргыз – ручей Кыгзыз	10
8 августа	9	ручей Кыргыз – р. Нижний Кураган – р. Ешту	10
9 августа	10	р. Ешту – р. Хазиниха – руч. Бочаниха	16
10 августа	11	дневка	
11 августа	12	руч. Бочаниха – р. Северная Иолдо	5
12 августа	13	р. Северная Иолдо – пер. Иолдо (1А) – пер. Иолдо Западный (1А) – р. Южная Иолдо	14
13 августа	14	р. Южная Иолдо – под пер. Юбилейный	9
14 августа	15	пер. Юбилейный (1Б) – р. Узун-Курасу – пер. Волжский(н\к) – р. Капчал – р. Катунь	17
15 августа	16	р. Катунь – вод. Рассыпной – исток р. Катунь	10
16 августа	17	пер. Динамо (1А) – р. Белая Берель	12
17 августа	18	р. Белая Берель – лед. Малый Берельский	12

---

18 августа	19	пер. Олимпийский (1Б) – лед. Куркуре	8
19 августа	20	пер. Туристов (2А) – лед. Менсу – пер. Дружба (1Б) – лед. Дружба	13
20 августа	21	лед. Дружба – лед. Аккемский – о. Аккемское – стоянка «Три березы»	42
21 августа	22	стоянка «Три березы» - пер Кузуяк (н/к) – с. Тюнгур – с. Нижний Уймон – г. Анжеро- Судженск	18